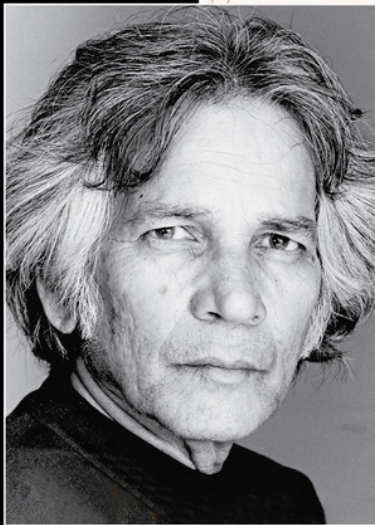




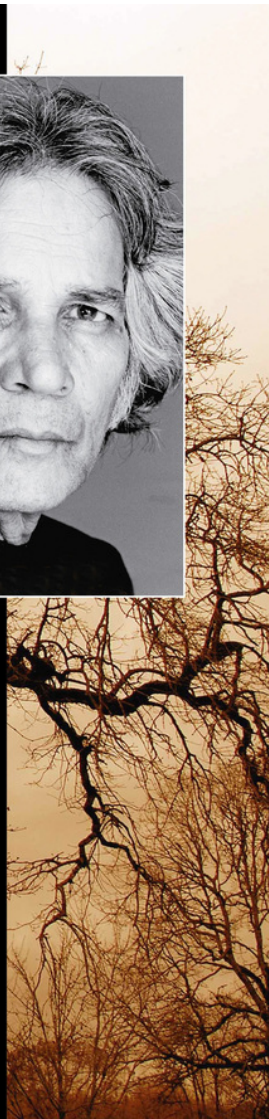
У.Г. (Юджи) Кришнамурти



МЫСЛЬ — ТВОЙ ВРАГ

СОКРУШИТЕЛЬНЫЕ БЕСЕДЫ

«Все, что вы переживаете при помощи
имеющихся у вас знаний, — бесплодно.
Это проигранное сражение». — У.Г.



Упалури Гопала Кришнамурти

Мысль – твой враг.

Сокрушительные беседы

Серия «He-2»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23737916

У. Г. (Юджи) Кришнамурти. Мысль – твой враг. Сокрушительные беседы: Издательский Дом «Ганга»; Москва; 2016

ISBN 978-5-9907175-6-5

Аннотация

В своих беседах У. Г. указывает с безжалостной прямоотой и непреклонной решимостью на единственного настоящего спасителя человечества – на парадоксальную СВОБОДУ, которая одновременно является безропотной самостоятельностью и бесстрашным самоотречением. Он отвергает банальные и пыльные прописные истины науки, религии, политики и философии, проникая в самую суть вещей, и убедительно говорит самую сокрушительную правду, невзирая на последствия.

Эта книга – беседы с У. Г. Кришнамурти, которые касаются разных тем, однако основная из них, проходящая сквозь все диалоги, – это разрушительность и бесплодность человеческой мысли.

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Введение | 5 |
| 1 | 8 |
| 2 | 32 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 44 |

У. Г. (Юджи) Кришнамурти

Мысль – твой враг.

Сокрушительные беседы

U. G. Krishnamurti

Thought is Your Enemy

Mind-shattering conversations

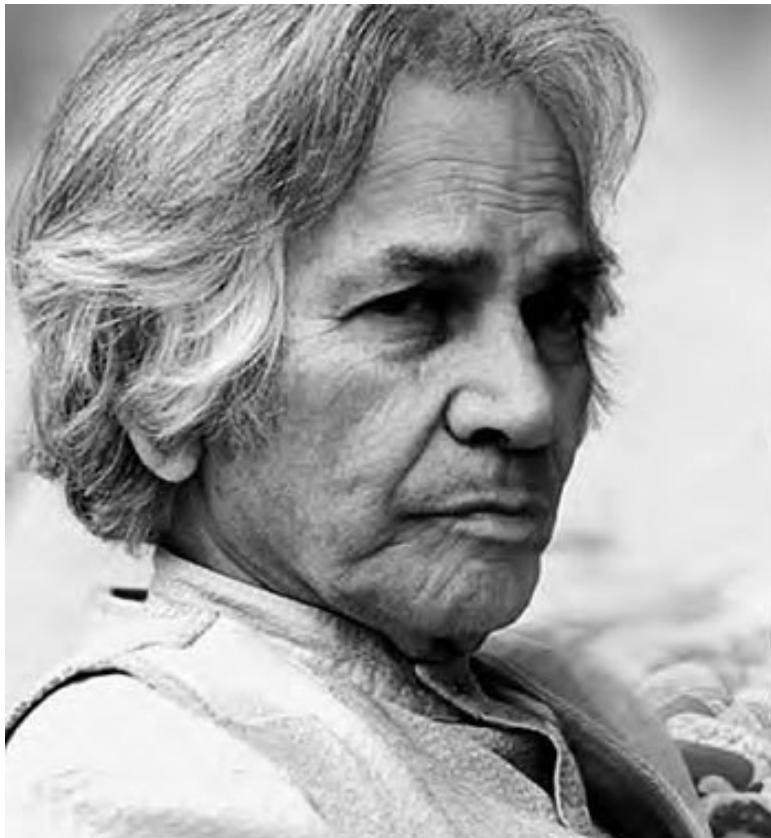
© Издательский Дом «Ганга». Перевод, оформление.

2015

*Все, что вы переживаете при помощи
имеющихся у вас знаний, – бесплодно. Это
проигранное сражение.*

У. Г.

Введение



У меня нет – и никогда не будет – никакого учения. «Учение» – неподходящее для этого слово. Оно подразумевает

метод или систему, технику или новый способ мышления, который нужно применить для того, чтобы в вашем образе жизни наступило преобразование. То, о чем я говорю, находится за пределами обучения; это просто описание того, как я функционирую. Это просто описание естественного состояния человека – и, если отбросить махинации ума, то так же функционируете и вы.

Естественное состояние – не состояние самореализованного или богореализованного, не что-то, чего можно добиться или приобрести, что можно вызывать посредством силы воли; это живое состояние всегда здесь. Это состояние – всего лишь функциональная активность жизни. Когда я говорю «жизнь», я не имею в виду нечто абстрактное; это жизнь чувств, функционирующая естественно, без вмешательства мысли. Мысль – постороннее, вмешивающееся в дела чувств. У нее есть корыстный мотив: ум управляет деятельностью чувств, чтобы что-то от них получить, и использует их для обеспечения своей непрерывности.

Ваше естественное состояние не имеет никакого отношения к религиозным состояниям блаженства, счастья и экстаза; они находятся в сфере переживаний. Быть может, те, кто на протяжении многих веков направлял человечество в его поиске религиозности, переживали эти религиозные состояния. Вы также можете их пережить. Это вызванные мыслями состояния бытия, и они уходят так же, как приходят. Сознание Кришны, Сознание Будды, Сознание Христа, или что

бы то ни было – все это путешествия в неверном направлении: все они находятся в сфере времени. А безвременное не может быть пережито, не может быть понято, не может быть во что-либо включено, и тем более не может быть выражено человеком. Этот проторенный путь никуда вас не приведет. Нигде «вон там» нет никакого оазиса; то, что вы видите, – мираж.

У. Г. Кришнамурти

1

Ни ума, ни души, только тело

Вопрос: У. Г., я хотел бы исследовать самую суть вашего революционного и бескомпромиссного заявления о том, что «нет никакой души»...

Ответ: Нет никакой личности, нет никакого «я», нет никакого духа, нет никакой души и нет никакого ума. Это исчерпывает весь список, и у вас нет способа обнаружить, с чем же вы остались. Вы вполне можете спросить, почему я продолжаю постоянно рассказывать людям о том, как я функционирую. Я это делаю всего лишь для того, чтобы акцентировать тот факт, что на протяжении многих веков мы использовали какой-то инструмент, то есть мышление или ум – или как бы вы ни хотели его называть, – чтобы освободиться от того, что вы называете «я», личностью и тому подобным. В этом и состоит смысл духовного поиска. Однако когда до вас доходит, что не от чего освободиться, тогда все эти вопросы не возникают. Каким образом все это до меня дошло, у меня нет никакого способа выяснить самому.

В: Обычные люди, такие как я, хотели бы знать, могли бы Вы найти для нас ответы.

О: Ответы, которые я даю, существуют лишь для того, чтобы подчеркивать тот факт: то, с чем мы в конечном счете остаемся, – функционирование этого живого организма. То, как он функционирует, – вот что я все время пытаюсь донести, подчеркнуть и еще раз подчеркнуть. Я хочу каким-то образом побудить вас увидеть, что вся ваша попытка понять, с чем вы остались – проигранное сражение.

В: Вы пытаетесь сказать, что есть лишь физическое тело, и ничего больше. Верно?

О: Даже это утверждение не может быть пережито тем, что там осталось. Когда ваш организм избавится от всего этого, утверждения типа «мы остались только с физическим телом и **вселенной**» также уже больше не будут верными. Не знаю, достаточно ясно ли я выражаюсь.

В: Но я хочу изучить этот вопрос...

О: Чем больше вопросов вы мне задаете, тем больше потребности подчеркивать и даже слишком подчеркивать (это мое любимое выражение) физический аспект нашего существования, тот факт, что в том, во что нас заставляли верить, ничего нет. Все наши проблемы возникли из-за нашего принятия того, что мы можем понять реальность мира, или ре-

альность нашего существования. Я говорю, что у вас нет способа переживать то, чего вы не знаете. Так что все, что вы переживаете при помощи имеющихся у вас знаний, – бесплодно. Это проигранное сражение.

В: Когда Вы говорите, что в человеческой природе нет никакого нефизического элемента...

О: Я Вас не понял. Что конкретно Вы имеете в виду, когда говорите «в человеческой природе нет никакого нефизического элемента...»?

В: Я имею в виду, что есть только само физическое тело и мир такой, какой он есть.

О: Поэтому я и говорю, что инструмент, которым мы пользуемся, чтобы понять реальность нашего существования и реальность окружающего нас мира, не является частью этого механизма (тела). Поэтому я говорю, что мысли не порождены «вами» и не самопроизвольные. Даже сейчас там нет мыслей. Если вы хотите узнать, существует ли такая вещь, как мысль, то сам вопрос, который мы себе задаем: «Существует ли мысль?» рождается из предположения, что мысль там есть. Но то, что вы там найдете, – это нечто «про» мысли, а не сама мысль. Все «про» мысли – это то, что закладывается культурой. Это закладывается людьми, кото-

рые говорят вам, что для вас очень важно освободиться от того или этого (это может быть что угодно), и вы пытаетесь от него освободиться посредством этого инструмента. А я стремлюсь подчеркнуть, что это не инструмент, и что нет никакого другого инструмента. И когда это до вас доходит, когда понимаешь, что это не инструмент и что нет никакого другого инструмента, тогда нет необходимости узнавать, необходим ли какой-то другой инструмент. Нет потребности ни в каком другом инструменте. Та самая структура, которой мы пользуемся, инструмент, которым мы пользуемся, весьма изобретательным способом изобрел самые разные вещи, например интуицию, правильное озарение, правильное то, правильное это и т. д. И говорить, что посредством этого самого озарения мы **что-то** поняли – это и есть камень преткновения. Любые «озарения», какими бы необычными они ни были, бесполезны, так как именно мысль создала то, что мы называем «озарением», и именно мысль поддерживает его непрерывность и статус-кво.

В: Мне кажется, что я это понимаю, но я хотел бы рассмотреть тот факт, что существует физическая сторона всего этого, и если бы я мог четко ее наблюдать – этот человеческий организм и его взаимосвязанные функции...

О: Кстати, даже это невозможно пережить и понять, кроме как посредством знания, которое нам дают физиологи.

В: Вы хотите сказать, что наши собственные наблюдения...

О: Нет такой вещи, как ваше собственное наблюдение. Ваше собственное наблюдение порождено имеющимся у вас знанием. Эти знания приходят от физиологов. Эти знания приходят от тех, кто занимался всей этой медицинской технологией. Они пытаются понять, как функционирует это тело, как функционирует сердце и все то, что стало нам знакомым. Однако то, что они обнаружили, не может быть нами пережито.

В: Получается, Вы говорите, что не существует такой вещи, как непосредственный опыт...

О: Без помощи знаний вообще нет никакого опыта. Это все, что я говорю. Вы не можете пережить на собственном опыте реальность *чего-либо*, кроме как при помощи этих знаний. Поэтому я говорю, что вы не можете пережить того, чего вы не знаете. Следовательно, вы предполагаете, что существует что-то за пределами «переживающей структуры». Однако нет того, что «за пределами». То, что «за пределами», вновь подтверждается или отвергается этой переживающей структурой, чтобы поддерживать свою непрерывность. Это игра.

В: Вернемся к этому вопросу. Я уже это у вас спрашивал. Разве нет переживания осязания?

О: Нет. Единственный способ, которым вы можете пережить чувство осязания, – это посредством контакта, то есть посредством того, что вы называете чувством осязания. Вы кладете сюда свои пальцы и дотрагиваетесь до чего-то. (*Дотрагивается до подлокотника кресла*). Глаз на это смотрит. Но он не интерпретирует это движение как движение кого-то, кто кладет сюда палец, чтобы узнать, что же конкретно происходит, когда до этого дотрагиваешься. Глаз не может этого сказать, чувство осязания этого не передает. Если только вы не зададите вопрос...

В: Я предполагаю, что...

О: Глаз на это смотрит.

В: Нет, я на это не смотрю.

О: Не смотрите...

В: Я чувствую, могу чувствовать без...

О: Это порождается вашим воображением и интерпретацией этого конкретного чувственного прикосновения в рам-

ках вашего прошлого опыта. В этот момент, если это не интерпретируется как легкое прикосновение или сильное прикосновение, или даже просто прикосновение вашей руки, вы не можете отделить эти два понятия друг от друга и пережить их.

В: Отделить эти два...

О: Предположим, вы задаете мне вопрос по какой-то причине, по которой вы хотите что-то знать. И единственные знания, которые у вас есть, находятся здесь, в компьютере (*указывает на свою голову*) и они появляются и говорят и мне, и вам, что вы до этого дотрагиваетесь, и что чувство осязания интерпретирует это как легкое прикосновение друга, который рядом со мной сидит.

В: Предположим, что я иду, один, и чувствую, что начинает дуть ветер, и я ничего не делаю, однако он на меня дует.

О: Если вы не интерпретируете ветер, прикасающийся к вашему телу...

В: Я ощущаю ветер.

О: Это чувство также является мыслью. В тот момент, как вы отделяете себя от ветра, эта сенсорная активность интер-

претируется в рамках тех знаний, которые у вас уже есть. Я ни в коем случае не говорю, что *вы* и есть ветер. Я просто говорю, что все, что вы говорите, является частью имеющихся у нас знаний. Иначе вы не можете отделить ветер от тела.

В: Итак, Вы говорите, что нет такой вещи, как новое переживание.

О: Вообще нет никакого нового переживания. Но потребность испытывать одно и то же вновь и вновь изнашивает весь механизм памяти, используя его в целях, для которых он не предназначен.

В: Можем ли мы увидеть, что память не должна быть действующим фактором в сознании?

О: Я ставлю сознание под сомнение, ибо то, что мы называем сознанием, – это память. Вы сознаете что-либо посредством имеющихся у вас знаний, и эти знания заключены в памяти. Поэтому все эти разговоры о подсознательном, бессознательном, уровнях сознания и тому подобном – искусное изобретение мыслительного механизма. Посредством этого умения и изобретательности он поддерживает свою непрерывность.

В: Вы проводите различие между осознанием и созна-

нием?

Слово «осознавание» очень часто фигурирует в учении Джидду Кришнамурти. Согласно ему, осознавание подобно свету, который рассеивает мрак зла. Осознавание – это, в некотором роде, инструмент – который, однако, не является мыслью – для освобождения от ревности, гнева, зависти, и т. п. – *Здесь и далее примечания редактора.*

О: Осознавание не обладает для меня никаким смыслом, потому что осознавание – не инструмент для понимания чего-либо, и тем более не инструмент для вызывания каких-либо перемен. Во-первых, там нечего изменять. А так как там нечего изменять, то неважно, используете ли вы для вызывания изменений осознавание или какой-то другой инструмент.

Осознавание нельзя отделить от активности мозга. Поэтому я всегда описываю то, что происходит здесь (*указывает на себя*) в физических терминах. Отражение того (*указывает на подушку*), чем бы оно ни было, на сетчатке, «чтобы пережить его, не называя его», – всего лишь хитрая игра, в которую мы играем сами с собой. Вы думаете, что распознавание отличается от называния. Это не так. Распознавание и называние – одно и то же. Называю я его или нет, само распознавание вас как человека или вон того предмета как по-

душки, само по себе означает, что название уже там, независимо от того, использую я это слово или нет. Поэтому я и говорю людям, утверждающим, что слово – *не* сама вещь, что слово и *есть* эта вещь. Если слово – не вещь, тогда чем же, черт побери, оно является?

Здесь вновь ссылка на Джидду Кришнамурти. Его применение слова «осознание» подразумевает, что в состоянии «осознанности» существует непосредственное переживание того, что он называет «тем, что есть». В этом состоянии нет слов, нет никаких волн мысли, есть только «то, что есть».

Так что ничего страшного, что философы сидят и бесконечно обсуждают, что «слово» – не «вещь». Подразумевается, что там есть нечто отличное от слова. Поэтому вы не можете принять тот факт, что слово и *есть* объект, т. е., даже если вы скажете, что там есть объект, не применяя этого слова, это значит, что там есть разделение. Я пытаюсь вам рассказать, как происходит это разделение, эта отделенность.

В: Разделение – это на самом деле начало двойственности.

О: Я никогда не скажу ни себе, ни вам, что я – это стол. Это слишком абсурдно. Я говорю, что вы не можете отде-

лить себя по собственной воле и намерению, кроме как когда на то есть требование извне. Вы задаете вопрос: «Что это?». У нас с вами в памяти заложена одна и та же информация, независимо от того, используете ли вы французское слово, английское слово, немецкое слово, слово на латыни – это не имеет значения. Исходная точка – стол, о котором вы меня спрашиваете. Итак, я говорю, что это стол, белый стол. Мы с вами обладаем одной и той же информацией. Когда этого вопроса там нет, я бы даже не посмотрел на него и не говорил бы себе, что это стол. Это не означает, что я «невыбирающе осознающий» его. То, что там есть – всего лишь отражение этого предмета на сетчатке. Даже это утверждение не может быть мною пережито, так как стимул и реакция – это одно единое движение. В ту секунду, как вы говорите, что существует осознание, существует уже и разделение.

В: Почему мы поддерживаем эту позицию, эту двойственность, это разделение?..

О: Это единственный способ, которым «вы» можете продолжаться. Иначе «вы» закончитесь. То «вы», которым вы себя считаете, то «вы», которым вы себя переживаете, и есть ваша личность. Посредством этой постоянной потребности использовать память она поддерживает свою непрерывность. Если этого там нет, то вы не знаете, что же произойдет. По-

этому фразе «свобода от известного»¹ до определенного момента очень привлекательна.

Дело в том, что как только вы освобождаетесь от известного, вы не можете о нем что-либо сказать. Поэтому если я слушаю кого-то вроде вас, кто говорит о потребности быть свободным от известного, то ваше акцентирование того, что потребность освободиться от известного существует, само становится частью известного. Это (весь мыслительный процесс) существовало на протяжении миллионов лет, и оно знает все уловки в этом мире. Оно сделает все что угодно, чтобы поддержать свою непрерывность.

В: Получается, что у мышления на самом деле нет никакого места в понимании...

О: Вообще нет никакого мышления. Если нет никакого мыслителя, то нет и мыслей. Вы не можете сказать, что есть только мысль, а мыслителя нет. Мысли исходят не отсюда (*указывает на свою голову*), они приходят извне. Интерпретация сенсорного восприятия в рамках вашей «переживающей структуры» – это мысль. Итак, вы используете эти мысли для достижения какой-то цели.

В: Мне нужно знать про это мышление. Мышление по-

¹ Ссылка на название книги Джидду Кришнамурти.

следовательное...

О: Нет. Вы можете это попробовать, я не ваш учитель. То, что здесь происходит, – это механическая штука, наподобие компьютера. Она действует механически, пытаюсь узнать, есть ли там, в компьютере (*указывает на свою голову*), какая-то информация о том, о чем мы говорим: «Давайте посмотрим», «Дайте мне подумать». Это просто утверждения, которые вы высказываете, однако там не происходит никакой дальнейшей активности и никакого мышления. Вы пребываете в иллюзии того, что там есть кто-то, кто думает и обнаруживает информацию.

Смотрите, это ничем не отличается от удивительного инструмента, который у нас есть, – «поисковика слов». Вы нажимаете на кнопку, он вам пишет: «Готово». Затем вы запрашиваете слово, он вам пишет: «Поиск идет». Этот поиск – мышление. Но это механический процесс. В этом поисковике слов или компьютере нет того, кто думает. Там вообще нет того, кто бы что-то думал. Если есть какая-то информация или что-то, что бы ему предоставлялось, компьютер это обрабатывает и выдает. Это все, что происходит. То, что происходит, – нечто очень механистическое. Мы не готовы принять тот факт, что он (мыслительный процесс) механический, так как это приканчивает все представление о том, что мы – не просто машины. Это удивительная машина. Она не отличается от компьютеров, которыми мы пользуемся. Но

это (*указывает на свое тело*) – нечто живое, оно обладает живым качеством. У него есть жизненность, оно не просто что-то механически повторяет, оно несет с собой жизненную энергию, подобную электроэнергии, – это не две разные вещи.

В: Одна из тех вещей, которыми люди пользуются чаще всего, – это воображение...

О: Факт, что вы на собственном опыте переживаете целостность вашего тела, порожден вашим воображением. На самом деле вы не можете ощущать его целостность. Итак, ваше переживание тяжести вашего тела вызывается силой тяготения. Иногда вы испытываете тяжесть вашего тела, когда ваши мысли не функционируют. Иногда, как это бывает у всех, мысли замедляются. Тогда вы чувствуете себя тяжелее самого тяжелого предмета. Такое ощущение, будто вы весите 640 кг, или вы вдруг ощущаете, будто ходите по воздуху. Все это – наличествующие функции тела, которые были описаны в духовных терминах и которым придали очень большую значимость.

В: Итак, люди, находящиеся во власти воображения, считают, что нестесненное мышление может иногда придумать новые возможности или способы, которыми можно жить более плодотворно, более легко или более приятно...

О: Это неверно и неистинно.

В: Это то, что люди предполагают. Если у человека есть возможность что-то сделать, он это делает. Что в этом плохого?

О: Посмотрим как это работает в определенных областях. Вот у нас математическая проблема. Мы о ней думаем. Вы находите ответ и говорите, что это продукт вашего мышления. Но иногда вы истощаете все возможности, вариации и комбинации узнавания решения какой-то конкретной математической или научной проблемы. Вы так устали, что засыпаете. Но когда вы просыпаетесь, ответ готов. Это возможно только в сфере механических проблем. Это не может помочь нам решить живые проблемы. Мы не можем использовать это для решения человеческих проблем. В результате это показало, что оно не может решить наши проблемы. Это не затронуло ничего там (тело). Все наши убеждения ничего там не затронули (тело). Мы не знаем, что бы мы сделали в какой-либо ситуации. Вы можете сказать, что применяли бы ненасилие. Однако вы не знаете, что бы вы сделали в какой-то конкретной ситуации. Потребность быть готовыми ко всем будущим действиям и всем ситуациям и есть причина наших проблем. Каждая ситуация очень отличается от всех остальных, и наша готовность встретиться с этой ситуацией

при помощи знаний о том, как иметь дело с этими ситуациями, не может нам помочь.

В: Тогда что же это значит – живой вызов?

О: Я не знаю, то, как вы формулируете вопросы...

В: Вы сталкиваетесь с новой ситуацией...

О: Это не вызов. Неадекватность использования того, что у вас есть, подготовки себя к тому, как иметь дело с ситуацией, здесь (*у У. Г.*) отсутствует. Тогда это перестает быть вызовом. Поэтому я говорю, что там нет никаких проблем. Проблемы создаем мы сами. Если решения, которые нам предлагают все эти люди. – на самом деле не решения, то у вас на самом деле нет проблемы. Но дело в том, что у вас и нет проблем – вы их создаете. Вы не можете жить без проблем.

В: Верно. В каком-то смысле вы говорите, что человек ничем особенно не отличается от животного.

О: Должен признать, что мы наверняка гораздо более развитые чем другие животные. Это наше преимущество – в функционировании неким лучшим образом. Хотя мне не нравится слово «лучший» – скорее «более естественным об-

разом». Мы свободны от некоторых опасностей, или от некоторых возможностей погибнуть. Все эти проблемы можно разрешить высоко развитой структурой, которую нам предоставили. То, что мы называем сверхъестественными способностями: ясновидением, яснослышанием, – уже присутствуют в животных. Они также есть и в нас. В случае с некоторыми «мысль» замедляется при помощи техник медитации и подобных приемов. Тогда они временно испытывают эти так называемые способности и думают, что все это – духовные переживания. Наверное, в нашем случае наш механизм более чувствителен, чем в случае с животными. Я не знаю, я не могу ничего безоговорочно утверждать. Нет способа действительно понять, как функционируют все животные. Действительно нет способа. Все эти уловки, все эти идеи о повторном переживании своего собственного рождения, ребефинг – все это абсолютная ерунда. Потому что вы пытаетесь вернуться ко времени своего рождения и пережить свое рождение с точки зрения этого момента. Поэтому то, что вы переживаете, не есть переживание вашего собственного рождения. Но оттуда, где вы находитесь, вы используете все эти переживания, окрашиваете их и представляете, что вы переживаете собственное рождение. Это хорошо для маркетинга ребефинга, но в этом ничего нет.

В: Почему люди приобрели черты, которые сделали их искусными разрушителями земли, воздуха, воды и всего во-

круг?

О: Как я сказал в прошлый раз, отделенность от тотальности всего вокруг нас и идея о том, что все создано для нашего блага и что мы созданы для более великой и благородной цели, чем все другие виды на этой планете, и является причиной этого разрушения. Мощное использование мысли – вот что разрушительно. Мысль – это механизм самосохранения. Так что все, что порождено мыслью, разрушительно – будь то религиозная мысль, или научная мысль, или политическая мысль – все они разрушительны. Но мы не готовы принять тот факт, что мысль – наш враг. Мы не знаем, как функционировать в этом мире, не используя мысль. Можно много чего изобрести и пытаться освободиться от этой мертвой хватки мысли. Однако мы не можем принять тот факт, что это не тот инструмент, который может помочь нам функционировать в этом мире трезво и разумно. Это самосохраняющий механизм. Он контролирует и формирует наши идеи и действия. Идея и действие – это одно и то же. Все наши действия порождены идеями. Наши идеи – это мысли, передающиеся из поколения в поколение. Мысль не является инструментом, при помощи которого мы могли бы жить в гармонии с окружающей нас жизнью. Поэтому вы действительно создаете все эти экологические проблемы, проблемы загрязнения окружающей среды, проблемы самоуничтожения при помощи самого разрушительного на данный момент оружия, со-

зданного нами. Так что выхода нет. Можно сказать, что я пессимист, что я и то, и се, и т. д. Но я надеюсь, что когда-нибудь мы поймем, что сделанные нами ошибки уничтожат все вокруг. Планета не в опасности. Это мы в опасности.

В: Если это так, то можно переехать на другую планету. Жажда выживания – откуда приходит эта жажда жить после смерти тела и его неизбежной кончины?

О: Потому что вы знаете, что в каком-то смысле то, что вы знаете «о себе», на этом закончится. Вы прожили 60, 70, 100 лет жизни; у вас было так много разных переживаний; вы так многого достигли; вы так ко многому стремились и так многого добились. И это все? Это все закончится? Не оставив после себя ничего? Поэтому естественно оно создает что-то «за пределами» всего этого.

В: Как вы думаете, почему мы позволили иллюзии и нереальности продолжать существовать в сознании или человеческой мысли?

О: Вы не отделены от этой иллюзии. Вы и есть иллюзия. Если одна иллюзия исчезает, ее всегда заменяет другая. Почему? Потому что конец иллюзии – это конец вашего «я». Это смерть. Конец убеждения – это конец «вас», который там находится. Так что это не поэтическая, романтическая смерть умирания для своего прошлого. Физическая смерть

– единственный способ, которым вы избавляетесь от всего, что туда заложила вся ваша культура.

В: С некоторым приближением я бы сказал, что я могу видеть сквозь иллюзию...

О: Это еще одна иллюзия. Иллюзия – это то, что «видение – это конец»².

У вас нет способа отделить себя от видения. Видение – это иллюзия, и видящий – это иллюзия. «Видящий» говорит себе, что «видение – это конец», но *это* не заканчивается. «Видящий» не хочет заканчиваться. «Видящий» – это иллюзия. Не знаю, лучше не обсуждать подобные вещи. «Видящий» – это иллюзия. Посредством изобретения того, что называется «видеть иллюзию – значит положить ей конец», «видящий» получает движущую силу на продление «себя». В тот момент, когда вы хотите «увидеть» что-либо, вы отделились от этого. Появился «видящий», и посредством видения он поддерживает свою непрерывность. Поэтому видение нам не помогло; оно не положило ничему конец.

В: Этот диалог, то, как мы сейчас разговариваем – как бы Вы это назвали? Это только физический обмен... это взаимодействие, то, что сейчас происходит?

² Эти слова употребляет Джидду Кришнамурти. – *Ред.*

О: *(Смеется)*. Я не хочу повторять это вновь и вновь. Здесь сидит просто марионетка. И две марионетки, два компьютера, два магнитофона играют – вот и все.

В: Когда мы вас слушаем, разве это не приводит к изменениям в нас самих?

О: Вовсе нет. Вы даже не слушаете. Нет такой вещи, как искусство слушания. Вы вообще не слушаете. Вы не хотите слушать. Это интерпретирование.

В: Я это осознаю. Наверняка существует слушание какого-то вида. Я пытаюсь вставить ключ в замок, и...

О: Нам не нужно использовать все эти фразы «Я осознаю то, это, и т. д.». Если практиковать то, что называют «осознаванием», вы пойдете путем того, что называют болезнью Альцгеймера, которая сейчас очень распространена. Я прочел в каком-то журнале, что она сейчас очень распространена. Ее уже обнаружили у этого знаменитого музыканта – как его? – у Фрэнка Синатры. Так написано в одной из ваших газет. Он очень молод. Они приводят этот пример того, как ведет себя человек, страдающий болезнью Альцгеймера. У вас в руке ключ. Но вы не знаете, как им воспользоваться и открыть дверь.

В: То есть вы говорите, что тело обладает колоссальным разумом, так как все его функции прекрасно взаимодействуют в своей собственной манере.

О: Наш интерес к тому, чтобы научить это тело чему-то, что его не интересует, создает для тела проблемы.

В: Есть что-то еще, что бы вы хотели сказать?

О: Что сказать? Я уже очень много сказал.

В: Действительно. Еще я также хотел спросить вас о физической боли – стоит ли...

О: Оставить ее в покое. Если есть боль, примите обезболивающее. Я не говорю, что ничего не надо делать и пусть тело страдает, испытывает боль. На самом деле вы добавляете к боли еще больше боли. Пока присутствует боль, мне лучше принять таблетку и временно освободить себя от боли. Потому что нет никакого особого очарования, ни духовного, ни какого-либо другого, в доказательстве самим себе и другим того, что мы можем терпеть боль. Мы не об этом говорим. Но мы можем оставить эту боль в покое, не вмешиваясь в нее постоянно. Мы полагаем, что знаем гораздо больше, чем это тело. Мы думаем, что знаем, что для этого тела лучше,

и поэтому создаем для него проблемы. Оно знает то, что хочет знать. От нас оно ничего знать не хочет; у нас оно не хочет ничему учиться. Если мы поймем эти простые отношения между мыслью и телом, тогда, скорее всего, она позволит ему функционировать и использовать мысль только для функциональных целей. Мысль функциональна по своей сути, и она не может помочь нам достичь ни одну из целей, которую мы перед собой поставили, или которые культура поставила перед нами.

В: Нет такой вещи, как физическая цель боли?

О: Она целитель. Боль – это целительный процесс. Но мы параноики. Мы слишком обеспокоены тем, чтобы не страдать. Я не говорю, что не надо принимать любую доступную нам помощь. Нет смысла страдать. Не как в случае с христианскими святыми, которые страдают, но не идут к врачу. Я говорю не об этом. На самом деле все, что мы бы сейчас ни сказали, бессмысленно. Никто не знает, что бы мы делали в какой-то конкретной ситуации.

Давайте на этом и остановимся. Если вы уловите во всем этом смысл – значит, уловите. А если нет, то нет. Хотелось бы, чтобы никто не помнил то, что мы здесь обсуждали. Если вы что-то помните, оно теряется. И я вовсе не пытаюсь сказать, что это каким-то загадочным способом влияет на все человеческое сознание.

В: Я тоже считаю, что боль – на самом деле целитель. Я Вам не противоречу. Но боль – нечто врожденное.

О: Она там. Она пытается вылечить нас от какого-то дисбаланса. Но я говорю, что нет никакого очарования в страдании, можно подать руку помощи, чтобы сделать его немного более терпимым. Я не вижу смысла в каких-либо страданиях. Это все, что я говорю.

В: Если боль ощущается в вашем колене, вашей спине или вашей голове, то она уже там...

О: Можно я скажу? Все, что бы мы ни говорили сейчас о боли, бессмысленно, потому что мы не ощущаем никакой боли *сейчас*. Если бы она была, то мы бы ее не обсуждали, а действовали.

В: Да, верно.

О: Именно Ваша система ценностей ответственна за человеческий недуг, за человеческую трагедию, заставляя всех втиснуться в рамки этой модели.

2

Отбросьте костыли!

Вопрос: Во-первых, давайте проанализируем это прекрасное слово под названием «счастье», в поиске которого находится каждый человек. Вы можете нам сказать, что такое это счастье?

Ответ: Может быть, вы со мной не согласитесь, но когда мы используем слова «поиск счастья», это ничем не отличается от любой другой чувственной деятельности. Кстати, все переживания, какими бы необычными они ни были, находятся в области чувственности. Это одна крупная проблема, с которой мы сегодня сталкиваемся.

На каком-то этапе род человеческий впервые пережил опыт этого «я»-сознания. И он отделил род человеческий от остальных видов на этой планете. Я даже не знаю, существует ли такая вещь как эволюция, однако нас заставляют верить в то, что она существует. И именно в это время, возможно, и зародилась мысль. Мысль по своему рождению, по своему происхождению, по своему выражению и по своему действию – весьма фашистская. Когда я употребляю слово «фашистская», я применяю его не в политическом смысле, а в том смысле, что она контролирует и формирует наше мыш-

ление и наши действия. Так что это защитный механизм. Несомненно, он помог нам стать тем, чем мы являемся сегодня. Он помог нам с *хай-теком* и технологией. Он сделал нашу жизнь очень удобной. Мы смогли открыть законы природы. Но мысль – защитный механизм, и заинтересована в выживании. Мысль фундаментально противопоставлена функционированию этого живого организма.

Нас заставляют поверить в то, что есть такая вещь, как ум. Но нет такой вещи, как ваш ум или мой ум. Общество или культура или как бы вы ни хотели это назвать, создало нас исключительно для основной цели поддержания своей непрерывности и своего статус-кво. Одновременно оно также создало мысль о том, что существует нечто такое, как индивид, отдельный от совокупности человеческих мыслей и переживаний.

В: Кто заставляет нас думать каким-то определенным образом?

О: На данном этапе я хотел бы акцентировать тот факт, что мысли – не «я»-порожденные и не спонтанные. Я бы даже пошел еще дальше и спросил: «Существует ли нечто, называемое „мыслью“?» Сам вопрос возникает потому, что мы предполагаем, что она существует и что мы можем отделить себя от мысли и посмотреть на нее. Но то, что мы видим, когда смотрим на то, что называем «мыслью» – это нечто о

мысли, а не *сама* мысль. Вопрос «Что такое мысль?» возникает только из-за предположения, что такая вещь, как мысль, существует.

Мы используем то, что называем мыслью, для достижения наших целей, будь то духовных или материальных. Мы можем считать, что духовные цели выше. Культура, в которой мы живем, ставит духовные цели выше материалистичных. Но инструмент, которым мы пользуемся, – это материя, то есть мысль. Для меня, материя – это мысль. Таким образом, все наши духовные цели материалистичны. В этом и состоит присутствующий там конфликт. В этом процессе тотальность человеческих переживаний создала то, что мы называем отдельной личностью и отдельным умом. Но на самом деле, если вы хотите что-то пережить, будь то ваше собственное тело или ваши собственные переживания, вы не можете этого пережить, не используя переданные вам знания. Иными словами, я бы сказал, что мысль – это память. Но нас заставили поверить в то, что люди созданы для более благородной и высокой цели, чем другие виды на этой планете, и именно из-за этого мы полагаем, что все, все мироздание создано в угоду человеку.

Все, что порождено мыслью, разрушительно. Все, что бы мы ни открывали – законы природы, или чем бы мы это ни называли, используется нами только в разрушительных целях. И это верно, что мы открыли довольно много законов природы, и теории постоянно меняются...

В: Не можем ли мы по меньшей мере усовершенствовать этот мыслительный процесс, быть конструктивными, позитивными?

О: Мысль – не инструмент для достижения чего-либо, кроме целей, установленных нашей культурой или обществом, или как бы вы это ни называли. Основная проблема, с которой мы сегодня сталкиваемся, в том, что культурный вклад, или то, что общество поставило перед нами в качестве цели, к которой все должны стремиться, является врагом этого живого организма. И это то, что там происходит. Мысль может лишь создавать проблемы, но она не может помочь нам их решать.

В: Тогда не лучше ли пребывать в безмыслии?

О: То, о чем я говорю – не состояние без мыслей. Даже изобретение того, что называют состоянием безмыслия, поставленное перед нами в качестве цели для достижения многими духовными учителями, создано мыслью так, чтобы, преследуя то, что оно называет состоянием безмыслия, оно могло поддерживать собственную непрерывность. Итак, что бы мы ни переживали (все переживания) в этом процессе достижения состояния безмыслия, как раз укрепляет то, от чего мы стараемся освободиться.

В: Видите ли, у нас существует теория причины и следствия, гласящая: что посеешь, то и пожнешь. Вы не считаете, что на каждое наше действие, будь то мысль или любое другое действие, существует реакция – если не мгновенная, то, по крайней мере, спустя какое-то время?

О: Именно мысль и создала причину и следствие. Возможно, такой вещи, как причина, вовсе нет. Каждое событие – индивидуальное и независимое. Мы связываем вместе все эти события и пытаемся создать историю нашей жизни. Но на самом деле каждое событие – независимое. Если мы примем тот факт, что каждое событие – независимое событие нашей жизни, это создаст огромную проблему поддержания того, что мы называем самоопределением. А самоопределение – важнейший фактор в нашей жизни. Мы способны поддерживать это самоопределение посредством постоянного использования памяти, также являющейся мыслью. Это постоянное использование памяти, самоопределения, или как бы вы это ни называли, требует огромных затрат энергии и не оставляет нам энергии для решения текущих проблем. Можем ли мы как-то освободиться от этой идентификации? Как я говорил, мысль может лишь создавать проблемы, она не может их решать. Посредством диалектического размышления о самой мысли мы лишь делаем этот инструмент острее. Все философии способствуют лишь

оттачиванию этого инструмента.

Мысль необходима нам для выживания в этом мире. Но она не может помочь нам достигать поставленных целей. Эти цели недостижимы при помощи мысли. Обнаружение счастья, как вы сказали, невозможно, так как нет ничего такого, как постоянное счастье. Существуют минуты счастья и минуты несчастья. Но потребность пребывать в постоянном состоянии счастья враждебна этому телу. Это тело хочет поддержания чувствительности сенсорных восприятий, а также чувствительности нервной системы. Это очень важно для выживания этого тела. Если мы используем этот инструмент для достижения невозможной цели постоянного счастья, чувствительность тела разрушается. Таким образом, это отвержение всего, чего мы хотим – постоянного счастья и постоянного удовольствия. Поэтому наша попытка пребывать в постоянном состоянии счастья не увенчается успехом.

В: Вы говорите об интеллекте и обострении интеллекта.

О: Для того, чтобы выжить в этом мире.

В: Да. Как его заострить? С чьей помощью?

О: Мы затачиваем свой инструмент посредством постоянно повторяющегося процесса. Однако в процессе этого постоянно повторяющегося мышления мы тратим огромное

количество энергии. Если его ограничить достижением только того, что мы считаем материальными ценностями, а не нашими духовными целями, то единственное, чего мы не сможем достичь, – функционировать трезво и разумно. Это не значит, что я учу материалистичной философии или чему-то в этом роде. Мысль не предназначена для достижения духовных целей или даже для обнаружения значимости жизни, смысла жизни, цели жизни или поиска постоянства или постоянного удовольствия.

В: Нам знакома эта теория рождения и смерти – кармы, действия, реакции или чего-то, что мы приносим с собой в качестве банковского баланса, прибавляем к нему что-то, затем что-то тратим, а затем приносим это в следующее рождение. Насколько вы разделяете эту теорию или противостоите ей?

О: Я не противостою теории кармы или реинкарнации. Но я ставлю под сомнение само основание этого убеждения. Перевоплощение существует для тех, кто в него верит. А для тех, кто в него не верит, его не существует. Но существует ли такое явление, как перевоплощение, как существуют законы природы, например тяготения? Я говорю «нет». Не имеет значения, верите вы в перевоплощение или нет. Человек заинтересован в том, чтобы самостоятельно выяснить и разрешить этот вопрос перевоплощения и получить ответ

на свой часто задаваемый вопрос: «Существует ли такое явление, как перевоплощение?» Нужно задать этот фундаментальный вопрос: «Что, как вы думаете, там перевоплощается? Есть ли там что-нибудь? Существует ли душа? Существует ли «Я»? Существует ли психика?» Все, что вы там видите или переживаете, создано вашим знанием об этом. Если вы видите свое «я», то оно создано лишь вашим знанием о «я». Если вам повезло и вы освободились от всей совокупности знаний о «я», перевоплощении и тому подобном, тогда возможно ли для вас получить опыт какого бы то ни было центра, «я», «самости», души? Так что для меня «я» – это всего-навсего местоимение в первом лице и единственном числе, и я не вижу там никакого центра и никакого «я». Так что вся идея о перевоплощении построена только на фундаменте наших убеждений.

В: Что это такое, что со временем делает одного человека великим, а другого – ментально тупым? Вы приписываете это какому-то врожденному дару?

О: Нас всегда интересовало, почему ребенок рождается с какими-то дефектами. И это была очень интересная теория, созданная в то время человеческим умом, чтобы объяснить подобные ситуации и успокоить людей, чтобы они могли прямо смотреть в лицо тому факту, что среди них есть такие люди. Но сейчас – в свете генетических исследований и

микробиологии – стало возможным корректировать дефекты, созданные природой. Почему мы должны хотеть приписывать это чему-то ужасному, что мы сделали в прошлой жизни? Такого рода убеждение нам очень на руку. Сегодня мы видим огромные страдания, очень много бедности, голода, деградации. Для нас очень утешительно верить, что это страдание существует потому, что они сделали что-то ужасное в прошлой жизни. Но это не ответ. Это побуждает нас искать в этом убежище и ничего не делать для решения проблемы сейчас. Это ни духовно, ни человечно. Во имя человеческих поступков мы совершали бесчеловечные поступки и поддерживали непрерывность такого порядка. Вера в перевоплощение поможет нам лишь смотреть в *другую* сторону и не искать решения проблемы, сегодня требующей ответов от каждого мыслящего человека в этом мире.

В: Джидду Кришнамурти всегда акцентировал тот факт, что никому не нужен гуру. Кстати, как я понимаю, вы тоже не хотели бы быть никому гуру. Он это постоянно утверждал, до самого своего конца. А какова, по вашему мнению, роль гуру, который показывает путь своему *шишье* – ученику?

О: Я думаю, что это неправильное слово, применяемое в наше время по отношению ко всем этим духовным гуру, которыми сегодня изобилует рынок, продающим всякого рода фальшивки, выдавая их за «настоящее», и пользующихся легковерностью и доверчивостью людей. Гуру – этот тот,

кто говорит вам отбросить все костыли, которые, как нам говорили, необходимы для нашего выживания. Гуру говорит вам: *«Отбросьте их и не заменяйте модными костылями или даже компьютеризированными костылями. Вы можете ходить, а если вы упадете, вы встанете и будете ходить вновь»*. Таков человек, которого мы считаем, или даже традиция считает, настоящим гуру, – а не тех, кто на сегодняшнем рынке продает свои фальшивки, выдавая их за «настоящее». Это бизнес, для людей это стало духовным бизнесом. Я никого не осуждаю. Но пока для решения вашей проблемы вы от кого-то зависите, вы будете беспомощным, и этим пользуются люди, у которых нет всех ответов на эти проблемы, однако они предоставляют своего рода утешение. Людей устраивает это утешение, и они падки до такого рода вещей, вместо того чтобы разбираться с проблемой самостоятельно и для себя самих.

В: Духовность Востока и Запада сегодня постепенно меняются местами, и вы видели их обе. В чем состоит панацея от человеческого несчастья, лишений, тех страданий, с которыми сталкиваются все на этой планете? Всем чего-то не хватает, все что-то ищут...

О: В начале этой дискуссии мы говорили, что поиск счастья – это единственное, что всех интересует, будь человек русским, американцем, африканцем или индусом. Я сказал,

что такой цели достичь невозможно из-за физической проблемы (конфликт с телом), связанной с достижением этой цели. Предполагается, что Запад материалистичен и что он смотрит на Восток для получения духовного руководства. На самом деле это не так. Если вы подольше поживете на Западе, вы поймете, что те, кого интересуют духовные вопросы – не те люди, которые управляют судьбами мира. Этот неожиданный интерес к духовности и поиск помощи на Востоке вызван наркотиками. Они дали людям определенного рода опыт. Но их не удовлетворило простое повторение этого опыта. Они искали разновидности религиозного опыта, когда ехали в Индию, Китай или Японию. В этих вещах их привлекали новый язык и новые методики.

Дело в том, что, когда у вас есть все, что вам может понадобиться в этом мире, когда все материальные разумные потребности удовлетворены, естественно возникает вопрос: «И это все?» А задав себе этот вопрос, мы создали огромный рынок для подобного рода бизнеса, духовного бизнеса. Эти люди пользуются доверчивостью других и не помогают им разрешить основную проблему, человеческую проблему. Это не так просто. Так что нам нужно задавать вопросы вновь и вновь. Но все вопросы, которые мы задаем, порождены теми ответами, которые у нас уже есть. Мы никогда не задумываемся над тем, почему мы продолжаем задавать этот вопрос, когда ответы на него нам уже дали разные мудрецы, святые, спасители человечества. Мы забываем

осознать, что ответы, которые они нам дали, сами в ответе за трагедию человечества. Мы не ставим их под сомнение. Если мы ставим под сомнение ответы, значит, мы бы ставили под сомнение и учителей. Чтобы спасти человечество от созданного им самим хаоса, нужно его освободить от спасителей человечества. Это не значит, что нужно все разрушить. Нужно задавать вопросы, не порожденные уже имеющимися у нас ответами. Но есть ли ответ? Вот и все. На этом все заканчивается. В этом и состоит решение для человечества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.